

В.А.Якунина, М.Б.Бессуднова

ТАЛЛИН И НАРВА В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

Правовой и юридический статус средневековых Таллина и Нарвы был фактически одинаковым, что, учитывая выгодное географическое положение второй, давало ей возможность составить Таллину серьезную конкуренцию. Таллин же нуждался в Нарве как в торговом партнере, однако, опасаясь конкуренции, он выстроил политику таким образом, что всячески препятствовал развитию самостоятельности Нарвы и ее экономическому и политическому развитию. Все попытки Нарвы обрести торговый суверенитет, несмотря на политику протекционизма, проводимую Ливонским орденом, заканчивались неудачей, в силу расстановки торгово-политических сил и, казалось бы, выгодного географического положения, «заложницей» которого она станет позднее.

Ключевые слова: Таллин, Нарва, Ливонский орден, русско-ганзейская торговля

Таллин (Ревель) и Нарва принадлежали к числу наиболее экономически значимых городов средневековой Ливонии, непосредственно связанных с развитием русско-ганзейской и, шире, балтийской торговли, а потому постоянно пребывают в фокусе внимания историков. Характер взаимоотношений обоих городов изучается, как правило, в широком контексте русско-ганзейских контактов (Н.А.Казакова, Э.Тибберг, Х. фон цур Мюлен, А.Л.Хорошкевич, А.Флётманн, А.Ричер и др.) и так называемого «нарвского вопроса», касающегося стремительного развития Нарвы в качестве крупного торгового центра на рубеже Средневековья и раннего Нового времени (Ю.Кивимяэ, М.Кёлер). Результаты исследований не позволяют сомневаться, что превращение Нарвы в ключевой центр русско-ганзейского товарообмена не устранило доминирования Таллина в их деловых отношениях, которое сохранялось на протяжении всего Нового времени. Объяснение того нужно искать не только в формально-правовом статусе этих городов, но и в ряде исторически сложившихся обстоятельств, в том числе и в причастности к их взаимоотношениям их общего государя (ландсгерра), Ливонского ордена.

Серьезной проблемой, затрудняющей изучение взаимоотношений средневековых Таллина и Нарвы, является фрагментарная сохранность нарвского архива. Основная масса документальных источников по указанной теме происходит из Таллина (Ревеля), из-за чего восприятие исторического материала исследователем может допустить определенные перекосы. Вместе с тем, мы располагаем довольно объемным комплексом источников из архива Ревельского магистрата (фонд 230), в настоящее время хранящегося в Таллинском городском архиве (Tallinna Linnaarhiiv), в котором содержатся собрания писем нарвского магистрата [1] и фогтов Нарвы [2]. Их дополняют комплексы с перепиской ливонских магистров с магистратом Таллина [3] и с корреспонденцией новгородской конторы Ганзы (Немецкого подворья) [4]. Все эти источники помогают восстановить порядок торгового и административно-правового взаимодействия Нарвы и Таллина и выявить некоторые факторы, влияющие на его характер.

Прежде, чем перейти к этому вопросу, надо отметить общие моменты в исторических судьбах обоих городов. Они возникли в XIII в., в период датского владычества над Северной Эстонией и функционировали в качестве административных и фортификационных центров разного уровня — если в Таллине находилась столица Датской Эстонии, то Нарва являлась пограничной крепостью и контролировала территорию по левому берегу р. Нарвы. Их значимость подчеркивалась пожалованием любекского права, которое, впрочем, Нарве было даровано позже Таллина, только в 1345 г. [5, s. 68, 71], и в Таллинской редакции. В городском праве Нарвы говорится, что содержащиеся в нем привилегии пожалованы датским королем «с тем, чтобы они их [нарвцев] защищали, и [что мы] предоставляем всем им те же свободы, милости и права, что и нашим возлюбленным гражданам Ревеля» («*mit sonderheit se to beschermende, und laten en alle de sulven vriheit, gnade und recht, der unse sere leven borgers to Reval*») [6, № 834]. В противостоянии Таллина и Нарвы в сфере торговли, обострившемся в Позднее Средневековье, этот факт будет использоваться Таллином среди прочих аргументов в пользу его превосходства в отношении Нарвы, хотя пожалование Нарве любекского права в его Таллинском варианте, скорее всего не имело в виду установления субординации. Средневековая практика предоставления права одного города другому предполагала избирательность правовых норм и их адаптацию к условиям жизнедеятельности города-получателя, поэтому решающим обстоятельством такого рода заимствования следует считать близость условий существования Таллина и Нарвы, из-за чего Таллинское право оказалось для Нарвы более подходящим, чем его изначальный вариант, сформировавшийся в Любеке.

Идентичность правовых основ и административного устройства средневековых Таллина и Нарвы должна была обеспечивать их одинаковый «коммунальный» статус, который предполагал существование у каждого из них городского самоуправления при наличии ландсгерра (государя). Как и Таллин, Нарва имела магистрат, в составе которого накануне Ливонской войны 1558—1583 гг. было 6 ратманов и 2 бургомистра, меньше чем в Таллине и Тарту (Дерпте), но достаточно для управления небольшим городом. Более важным обстоятельством являлась судебно-процессуальная зависимость Нарвы от Таллина, когда судебные дела после рассмотрения в

нижнем суде (*Niedergericht*), а затем в ее магистратском суде (*Obergericht*) Нарвы, могли быть представлены в магистратском суде Таллина, который, таким образом, считался высшей судебной инстанцией для Нарвы [3, № 893].

Следующий важный аспект взаимоотношений обоих городов восходит к их общей зависимости от ливонского подразделения Немецкого духовно-рыцарского ордена (Ливонского ордена). Уже с 1334 г. замки Таллина и Нарвы временами передавались в его пользование [6, № 763], но окончательно оба города попали под его власть в 1347 г., когда Немецкий орден за 19 тысяч марок приобрел у Дании Северную Эстонию [6, № 852] и передал их под управление ливонских магистров [6, № 880]. При единстве государя в положении Таллина и Нарвы все-таки имелись расхождения: Таллин, будучи более политически влиятельным, в случаях несогласия с действиями ландсгерра мог обращаться за поддержкой напрямую к магистру Немецкого ордена, тогда как Нарва, зависевшая лишь от Ливонского ордена, пребывала в зоне исключительно его юрисдикции [7, р. 19-20]. Вместе с тем, географическое расположение Нарвы стало причиной того, что ливонские магистры были напрямую заинтересованы в экономическом развитии Нарвы, от которого зависела укомплектованность гарнизона Нарвского замка людьми, оружием, провиантом и пр., и это обстоятельство обусловило их прямое содействие торговым делам города. Наиболее ярким примером того являются пожалование торговых привилегий, подобных тем, что были дарованы Нарве Орденом в 1418 [8, № 2194], 1425 [9, № 337], 1426 [9, № 406] и 1532 [10] гг. Благодаря им Нарва, в частности, стала обладать правом свободной торговли с Пруссией как по суше, так и на море, что стало особенно важным ввиду перспектив развития ее прямых торговых связей с Данцигом [8, № 2194]. В 1425 и 1426 гг. от ливонских магистров Нарва получила право иметь весы для взвешивания транзитных товаров и пользования товарным клеймом [9, № 337, 406], что еще больше сближало ее статус со статусом Таллина. Особенно важным это было в отношении воска, который в XV в. являлся одним из важнейших русских экспортных товаров [11, с. 70]. Право проверять качество воска, его клеймить и взвешивать немало содействовало повышению доходов небольшого городка (*stedeken*), каким была Нарва, но и укрепляло его авторитет среди ганзейских городов, вынужденных считаться с прерогативами неганзейского города [7, р. 18-20].

Вместе с тем, усилия магистрата Нарвы и орденских властей, направленные на превращение Нарвы в сильный торговый центр, осложнились рядом обстоятельств, среди которых первым по значению было отсутствие у Нарвы членства в Ганзейском союзе. Ее многократные попытки войти в состав Ганзы всякий раз заканчивались безрезультатно из-за сопротивления ливонских городов во главе с Таллином [12, с. 167], который ссылался на зависимость от него Нарвы в правовом отношении и на этом основании претендовал на право представлять Нарву в Ганзейском союзе [7, р. 23-25]. Очередная попытка Нарвы вступить в Ганзу была произведена вскоре после пожалования ей в 1426 г. магистром Циссе фон Рутенбергом права пользоваться своей печатью для клеймения воска и других товаров [10, № 282], что существенно расширило полномочия города в русско-ганзейской торговле. Решив воспользоваться благоприятной обстановкой, магистрат Нарвы обратился к Любеку с предложением вынести на рассмотрение ближайшего ганзейского съезда, ганзетага, вопрос об ее вступлении в Ганзу [13, № 1550; 9, № 420]. К сожалению, этот момент отражен лишь в письме Нарвы к Любеку [9, № 489], и судя по отсутствию продолжения темы в ганзейской документации, решение по этому вопросу так и не было принято. Позже, в течение XVI в., этот вопрос поднимался неоднократно, особенно в моменты обострений отношений Нарвы и Таллина, но положительного для Нарвы результата так и не было достигнуто [7, р. 25]. Иерархия торговых городов Балтийского региона определялось, прежде всего, их отношениями с Ганзой, и потому Нарва в силу своей «неганзейской» природы имела место значительно более низкое, чем у Таллина, Риги и Тарту, что не могло не сказаться на ее конкурентоспособности. К тому же Нарва в отличие от вышеназванных городов не обладала обширным хинтерландом (*Hinterland*), территорией торгового освоения, поставляющей экспортную продукцию [7, р. 24], и это закрепляло за ней положение всего лишь транзитного пункта на пути России.

Сдерживающее воздействие на развитие торгового потенциала Нарвы оказало принятие в 1346 г. сообществом Немецкого двора в Новгороде решения об учреждении в Таллине складочного («стапельного») права, согласно которому все товары западного происхождения требовалось в обязательном порядке выгружать с кораблей в Таллине — подобная традиция существовала также в Риге или Пярну (Пернау) — и лишь затем отправлять их в Нарву [4, с. 15-18; 6, № 842], что исключало прямое плавание заморских ганзейцев в Нарву. Постановление 1346 г. вряд ли можно считать «антинарвской» акцией, поскольку на тот момент Нарва еще не занимала заметного места в русско-ганзейской торговле [7, р. 23], но оно оказало значительное влияние на формирование ее статуса. Его прямым последствием стало закрепление за Нарвой, имевшей более выгодное географическое расположение для торговли с Новгородом, чем Таллин, положения транзитного пункта для международной торговли Таллина. В результате товарооборот Нарвы и характер ее торговых связей на протяжении XIV и большей части XV в. предопределялись, в основном, потребностями Таллина. С другой стороны, «стапельное» право Таллина привело к тому, что большая часть товаров, предназначенных для отправки в Новгород, проходила через Нарву [7], что сокращало возможности их транспортировки через Выборг или по Неве. Стремление купцов следовать именно по этому маршруту подтверждают факты нарушений ими запрета на прямое плавание в Нарву [7, р. 23]. В итоге объемы экспортно-импортных товарных потоков, следовавших через Нарву, к началу Нового времени оказались столь велики, что все крупные торговые города Ливонии стремились иметь в ней свои представительства [4, с. 35-37].

Представляет интерес тот факт, что в отсутствие ганзейского членства Нарва зачастую оказывалась в более выигрешном положении, чем Таллин. Так, например, мы располагаем свидетельствами того, что между русскими и нарвскими купцами велась торговля в кредит, что Ганзой запрещалось. В 1507 г. эта проблема обсуждалась на съезде ливонских городов, штедтетеге, в Пярну, где было решено не подвергать граждан Нарвы штрафам со стороны Ганзы за использование кредита на том основании, что они пребывают вне ганзейской юрисдикции [14, №№ 301, 376].

Не являясь ганзейским городом, Нарва часто проводила более гибкую экономическую политику, чем могли это себе позволить ганзейские города, которые наряду с Таллином стали ограничивать свободную торговлю и передвижение нарвских купцов [14]. Особенно отчетливо это прослеживается в период после закрытия в новгородские Немецкие подворья великим князем Московским Иваном III (1462—1505) в 1494 г. и до его восстановления в 1514 г. Опуская подробности последовавшего разрыва торговых отношений Новгорода с Ганзой, отметим, что он, в первую очередь, нанес ущерб Таллину как «новгородскому стапелю» [7, 15]. Негативная тенденция в отношении русской торговли Ревеля, надо сказать, обозначилась еще до закрытия конторы вследствие последовательного разрушения новгородско-ганзейских традиций, «старинны», после присоединения Новгорода к Московскому государству. Во всяком случае, купцы новгородского Немецкого подворья уже в марте 1494 г. сообщали в Таллин о своем недовольстве новым порядком торговли с русскими, «нарушающем старину» [2, f. 66; 4, s. 170-172].

Кризисная ситуация рубежа XV—XVI вв., вместе с тем, мало повлияла на торговую активность Нарвы, которая вопреки ганзейским санкциям продолжала и даже расширяла свою торговлю с Россией. Чувствуя растущую конкуренцию с ее стороны, Таллин в конце 1494 — начале 1495 г. пытался проводить политику общего запрета на торговлю с русскими в Нарве, но безрезультатно [3, № 143]. Тогда же, в начале февраля 1494 г., Таллин заявлял, что по Нарове и Неве корабли из Гданьска напрямую доставляют соль и сельдь в Нарву в нарушении его «стапельного» права [3, № 143]. 8 апреля 1495 г. на ганзетаге в Любеке представители Таллина вновь подняли вопрос о «незаконной торговле» с русскими в Тарту и Нарве. На этот раз запрет был установлен, и Нарва, оказавшись в сложной торгово-политической обстановке, была вынуждена обратиться за помощью к ливонскому магистру Вольтеру фон Плеттенбергу (1494—1535). Тот выступил в защиту Нарвы и в своем письме к Таллинскому магистрату отметил, что введенный Ганзой запрет губителен для Нарвы как для крепости, поскольку город, лишившийся своей торговли, опустеет и останется без защиты [3, № 274]. Таллин на то дал уклончивый ответ, сославшись на решение других ганзейских городов [16, № 826]. Угроза войны Ливонии с Россией, наметившаяся с 1495 г., повышала фортификационное значение Нарвы, прикрывавшей стратегически важный участок русско-ливонской границы, и привлекало внимание руководства Ливонского ордена к ее экономическим проблемам и его лояльность к продолжению русской торговли ее граждан в обход запретов [17]. Даже во время русско-ливонской войны 1501—1503 гг., приостановившей развитие нарвской торговли, она была сведена к минимуму, но полностью не прерывалась [16, № 19]. Масштаб ее был столь велик, что на мирных русско-ливонских переговорах 1503 г. вопрос о возобновлении легальной торговли с русскими в Нарве был обозначен отдельной строкой [16, № 443].

Стремясь к восстановлению своей внешней торговли, Нарва в 1505 г. предприняла самостоятельную попытку наладить отношения с Новгородом [3, № 274], что не позволяли себе другие ливонские города, включая Таллин. Столь убедительная демонстрация экономической и политической состоятельности, однако, не повлекла за собой ослабления взаимосвязи Нарвы с Таллином. Причину того позволяет понять ситуация, возникшая в 1509 г., когда ливонский магистр Плеттенберг пожаловал выборгским купцам право свободно торговать в Нарве и на нарвский рынок стали поступать большие партии товаров из Выборга [14, № 579]. Граждане Нарвы сочли подобные действия покушением на свои прерогативы. Их беспокойство было связано с заключением в 1509 г. русско-ганзейского торгового мира [14, № 583] и ожиданием массового притока в Нарву импортных товаров, неизбежного в условиях отсутствия в Новгороде ганзейской конторы (она будет открыта только в 1514 г.). Решение магистрата о свободном доступе на нарвский рынок заморских «гостей» могло помешать нарвцам использовать столь благоприятную конъюнктуру для собственной выгоды, и для противодействия тому они обратились за поддержкой к Таллинскому магистрату [7]. Поддержка Таллина, располагавшего сходными правовыми традициями, заинтересованного в ограничении числа потенциальных конкурентов в Нарве и, к тому же имевшего выход на уровень Ганзы и верховного магистрата Немецкого ордена, значительно укрепляла позиции Нарвы в ее противостоянии своему ландсгерру в вопросах, имевших значение для обоих городов. Что касается стремления Нарвы расширять свои экономические возможности, Таллин и прочие ливонские города продолжали им противодействовать. В августе 1513 г. Нарва обратилась к ним с просьбой разрешить создание торговых обществ (*gesellschop*) с ганзейскими купцами, но она была отклонена [18, № 523], после чего попытки Нарвы расширить свои торговые права на долгое время прекратились.

В силу своего географического положения Нарва оказалась в эпицентре развития русско-ганзейской торговли, что, с одной стороны, способствовало развитию ее правового положения, но одновременно привнесло напряженность в ее отношения с Таллином, опасавшимся конкуренции с ее стороны. Таллин не мог отказаться от делового партнерства с Нарвой, являвшейся ключевым пунктом русско-ганзейских коммуникаций, но не хотел допустить его равноправия, а потому препятствовал включению Нарвы в Ганзейский союз и повышению ее экономической значимости. Нарва же стремилась, как минимум, к обретению паритетности с крупными городами Ливонии, что немало затруднялось недостаточностью

материальных ресурсов в связи с отсутствием у города, развитого хинтерланда, и малой численностью его населения. С другой стороны, Ливонский орден как ландстггер (государь) обоих городов, проявлял особый интерес к укреплению обороноспособности Нарвы как пограничной крепости посредством развития ее торговой деятельности. Торговые привилегии ливонских магистров и в целом конструктивная позиция нарвских фогтов в отношении международной торговли города стали важными факторами ее последовательного развития, но поскольку руководство ордена не преследовало целью повышение правового статуса Нарвы, она не сумела сравняться с Таллином в плане экономической и социально-правовой («коммунальной») независимости.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

1. Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BD 8-II.
2. Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BB 52-I.
3. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 1. Riga, Moskau, 1900.
4. Бессуднова М.Б. Корреспонденция новгородского Немецкого подворья из Таллиннского городского архива: 1346—1521. В.Новгород, 2017. 237 с.
5. Archiv für die Geschichte Liv- Esth- und Curlands / herg. Dr. F.G. v. Bunge. Bd. IV. Dorpat, 1845.
6. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 2. Reval, 1855.
7. Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion | Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004. P. 17-27.
8. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 5. Reval, 1867.
9. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 7. Riga, Moskau, 1881.
10. Akten und Rezesse der livländischen Standentage. Abt. 3. Riga, 1910. № 305.
11. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten 16 Jahrhundets. Helsingfors, 1938.
12. Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015. 448 с.
13. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 4. Reval, 1859.
14. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 3. Riga, Moskau, 1914.
15. Бессуднова М.Б. «Файда» Фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы [Электр. ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6(50). URL: <https://history.jes.su/s207987840001511-1-1/> (дата обращения: 30.10.2019).
16. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 2. Riga, Moskau, 1905.
17. Бессуднова М.Б. «Необычная торговля» в рамках ливонско-новгородского товарообмена второй половины XV в.: к постановке проблемы // Новгородика-2012: У истоков российской государственности. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 285-293.
18. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3.: 1477—1530. Bd. 6. Leipzig, 1899.

References

1. Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BD 8-II.
2. Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BB 52-I.
3. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 1. Riga, Moskau, 1900.
4. Bessudnova M.B. Korrespondentsiya novgorodskogo Nemetskogo podvor'ya iz Tallinnskogo gorodskogo arkhiva: 1346—1521 []. Velikiy Novgorod, 2017. 237 p.
5. Archiv für die Geschichte Liv- Esth- und Curlands / herg. Dr. F.G. v. Bunge. Bd. IV. Dorpat, 1845.
6. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 2. Reval, 1855.
7. Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West. Narva und die Ostseeregion | Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004, pp. 17-27.
8. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 5. Reval, 1867.
9. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 7. Riga, Moskau, 1881.
10. Akten und Rezesse der livländischen Standentage. Abt. 3. Riga, 1910. № 305.
11. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten 16 Jahrhundets. Helsingfors, 1938.
12. Bessudnova M.B. Rossiya i Livoniya v kontse XV veka: Istoki konflikta [Russia and Livonia at the end of 15th century: on the origins of the conflict]. Moscow, 2015. 448 p.
13. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.1. Bd. 4. Reval, 1859.
14. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 3. Riga, Moskau, 1914.
15. Bessudnova M.B. "Fayda" Fogta Val'gartena i torgovye interesy Narvy []. Istoriya, 2016, vol. 7, iss. 6(50). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001511-1-1-1/> (accessed: 30.10.2019).
16. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt.2. Bd. 2. Riga, Moskau, 1905.
17. Bessudnova M.B. "Neobychnaya torgovlya" v ramkakh livonsko-novgorodskogo tovaroobmena vtoroy poloviny XV v.: k postanovke problemy ["Unusual trade" within the limits of Livonian-Novgorod commodity exchange of the second half of the 15th c.: to problem statement]. Novgorodika-2012: U istokov rossiyskoy gosudarstvennosti. Velikiy Novgorod, 2013, vol. 1, pp. 285-293.
18. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3.: 1477—1530. Bd. 6. Leipzig, 1899.

Yakunina V.A. Bessudnova M.B. Tallinn and Narva in Hanseatic-Russian trade. Narva's advantageous geographical location led Narva into the centre of the Hanseatic-Russian relationship; on the one hand, this fact made Narva a full participant of this relationship but on the other hand resulted in a lot of conflicts with Tallinn that was wary of Narva's rivalry. Tallinn was aiming in every possible way to prevent the strengthening of Narva's trade positions and suppressed all Narva's efforts to join to Hanseatic towns and to gain independence. Further Narva was aiming at least for the trade equality with major Livonian towns, but Narva didn't have sufficient resources for it (no hinterland, small population). The Livonian Order as the territorial ruler of Tallinn and Narva was aiming for fortifying of Narva, because as a border fortress Narva had to have sufficient resources to ensure order on the border. However, even the support of Livonian masters and granted privileges didn't manage to allow Narva to become a fully independent trading town.

Keywords: Tallinn, Narva, Livonian Order, Hanseatic-Russian trade.

Сведения об авторах. Валентина Андреевна Якунина — студент 2-го курса магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; младший научный сотрудник НИЦ Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-9461-0437; valjajastrebova@mail.ru; Марина Борисовна Бессуднова — д.и.н., профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-0207-1948; magistrmb@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.